

Любовь. Семья. Брак.

КАРНАВАЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ И ОРГИЙНОСТЬ СЕКСА

Сергей Гопод

Санкт-Петербург

Неиссякаемый интерес мыслителей к раскрытию смысла любви нетрудно понять. Любовь, несомненно, затрагивает экзистенциальные чувства человека, она в известном смысле - стремление к совершенству. И лишь творчески бесплодные люди склонны рассматривать Эрос как нечто второстепенное, хуже того - низменное. Разубеждать их - пустая затея, каждому свое.

Признание «вечности» любви не противоречит, конечно же, реальному многообразию ее типов. Не боясь показаться категоричным, замечу: каждая эпоха цивилизации и крупная этническая общность придают любовным отношениям определенную форму и регулируют их при помощи обычаев, традиций, системы ценностей и идеалов, делая тем самым любовь элементом культурно-исторической реальности. Потому и можно преимущественно судить о смысле любви по принятому в конкретной культуре способу экспрессивных переживаний индивида и ритуализации их поведения.

Казалось бы, мысль о том, что для каждой культуры характерен свой идеал любви, определенные ценности и принци-

пы ухаживания, достаточно тривиальна. И тем не менее обыватели и аналитики, по меньшей мере на Западе, равным образом ориентированы на одну систему - романтическую. Сошлюсь для примера на безусловно авторитетное лицо.

«В течение жизни нескольких последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви, - замечает Э.Фромм. - В Соединенных Штатах... большинство людей ищут романтической любви, личного ее переживания, которое затем должно повести к браку» (1). Чего здесь больше - иллюзии или скольжения по поверхности - не берусь утверждать. Относительно широкое распространение экспрессивных переживаний ассоциируется с кризисом жесткой, не терпящей какой-либо самостоятельности викторианской морали. С тем, что сексуальные связи в последние десятилетия становятся спонтанными, личностными, не сковываются внешними запретами, нельзя не согласиться, но обозначать этот глобальный процесс как романтический все же нет достаточных оснований.

И еще одно принципиальное возражение. Сопряженность любви и брака не столь очевидны, как декларируется американским ученым. В свое время еще Монтень точно подметил (а в наше время его суждение нашло эмпирическое подтверждение): любовь не терпит, чтобы руководствовались чем-либо кроме нее. Она с большой неохотой примешивается к союзам, установленным под другим наименованием, именно таков брак (2). Впрочем, это большая и самостоятельная тема, требующая специального обсуждения (3). Сейчас же обратимся к истокам и ценностям романтизма.

Принципы романтической (или куртуазной - от старофранцузского *court* - «двор») любви, как хорошо известно, сложились в обществе средневековых рыцарей в одной из южных провинций Франции - Провансе. Рыцарскому этосу присущи стремление к воинской славе и гипертрофированное честолюбие. Сражаться и любить - таков был девиз аристократа. Влюбленность превратилась в число неперемных обязанностей феодалов всех рангов. Отношение дворянина к женщине дифференцированно зависело оттого, кем она была: дамой или простолюдинкой. Весь пыл и обожание доставались исключительно первой. Не испытывая ни любви, ни милости к простому люду, аристократы в своем кругу

придерживались высоких понятий о чести, великодушии и достоинстве.

Рыцарский идеал не отличался интеллектом, зато предполагал богатую эмоциональную жизнь, вплоть до экзальтации. Мужчины сохли от тоски, теряли разум, если не сдерживали своего слова; нередко заливались слезами. Для женщины никакого труда не составляло лишиться чувств. Мораль старопровансальского дворянства была основана на признании прав природы и человеческих чувств. Любовь понималась не как грех, а как добродетель. Потому-то в божбе рыцарей фигурирует, как правило, высшая милость их дам. Феодал из Прованса не говорил: «Клянусь моим телом», «Пусть погибнут мое тело и душа», но «Пусть мне не придется больше возлежать с моей дамой» (4). Не правда ли, смысл заклинаний прозрачен: речь идет о любви отнюдь не платонической и, по большей части, с чужой женой.

Связь между прекрасными формами придворного любовного этикета и реальностью помолвки и брака была незначительна. Для идеала любви, возвышенного представления о верности, жертвенности не находилось места в трезвых политических и материальных расчетах, касающихся сословного брака. В такой союз (и это надо иметь в виду) вступали подростки с еще не развитым душевным и эмоциональным строем. Каноническое право допускало с XI века браки двенадцатилетних девушек и четырнадцатилетних юношей.

Проходило время - рыцарь мужал, чувство переполняло его душу, начинался активный поиск «дамы сердца». Когда мы читаем романы или видим на экране дворянина с гитарой и шпагой, поющего романсы возлюбленной, не будем обманываться: они предназначены замужней женщине. Но наш герой не только не скрывает своего чувства, а, напротив, манифестирует его, что, разумеется, небезопасно, так как муж дамы тоже владеет шпагой.

Не в меньшей, если не в большей степени рискует и женщина. И вот почему. Правила куртуазной любви, воспроизводившие условия вассального контракта, согласно которому сеньор обязан вассалу теми же услугами, что получил от него, требуют от избранницы в конце концов предаться тому, кто принес ей себя в дар. Даме поэтому приходилось тонко лавировать: держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться

со своими недостатками - легкомыслием и чрезмерным вожделе-нием. Практика галантной любви, можно сказать, опиралась, с одной стороны, на мужскую обходительность и храбрость, с другой стороны - на женскую изощренность и жертвенность. Не лишне особо подчеркнуть: дама, по сравнению с рыцарем, который мог быть и холостым, и женатым, должна была обладать, в силу своего брачного статуса, удвоенной решимостью.

Исходя из всего сказанного, думаю, не покажется неожиданным следующее резюме: романтическая любовь внебрачна, публична, предельно экспрессивна и жертвенна.

Не стоит заблуждаться, со временем любовная модель старопровансальского рыцарства, выйдя за пределы элитарного круга, претерпела огромные и - откровенно говоря - снижающие перемены. Но, несмотря на это, ее краеугольные начала - спонтанность, публичность и чувственность - прочно укоренились в культурном коде. Согласно исследованию М.Бахтина, на всем протяжении средневековья во время народных карнавалов «галльское свободолобие», прорываясь сквозь церковные запреты, проявляло себя, фигурально выражаясь, в раблезианстве: в вине, обжорстве и страсти (5). Пожалуй, и нынешнее поколение французов и других романских народов можно по праву считать наследниками этой манифестируемой любви, пылко переживаемой на людях; последнее, кстати сказать, способно эпатировать лишь иностранцев.

Задумаемся, в чем же поистине всемирная привлекательность романтизма? В идеале это, во-первых, открытость миру эмоционального пиршества, во-вторых, культивирование феминной загадочности (особого шарма). Женщина галльской традиции, по образному замечанию М.Бахтина, связана с материально-телесным низом, она - воплощение этого низа, одновременно и снижающего, и возрождающего. Коротко - романтизм окрашен в эротико-телесные тона.

На ином историческом фоне закладывались любовные ценности, характерные для буржуазной, особенно американской культуры. В отличие от рыцаря, который свой статус получал по наследству, буржуа во всем обязан самому себе. Установка такого человека обусловлена посюсторонностью его притязаний, трезвостью ума; критерием же добродетели в данном случае высту-

пает полезность. Чтобы чего-то добиться, нужно быть практичным, предприимчивым, трудолюбивым и бережливым. Работа без усталости - ключ к успеху. Целесообразная и методическая линия поведения требует обуздания всех тех сил, которые могут подорвать навязанную самому себе дисциплину. Жизнь, в том числе и личная, должна подчиняться строго продуманному регламенту.

Образцом такого кодекса может служить таблица добродетелей, составленная американским общественным деятелем XVIII века Б.Франклином. По его мнению, не нужны ни самоотречение, от которого никому нет пользы, ни бесполезное умерщвление плоти. Вместе с тем любовным успехам необходимо предаваться пореже, не более, чем этого требуют здоровье или воспроизводство потомства, но отнюдь не до отупения или истощения, а также не в ущерб своему собственному или чужому покою или доброму имени. В сущности, для добропорядочного буржуа страсть в силу ее неуправляемости должна быть исключена из центральных жизненных ценностей, сексуальности же отводятся лишь прагматические задачи - прокреация и релаксация. Деторождение - функция брака. Отсюда становятся понятными слова Б.Франклина по поводу выбора жены: пошире открывай глаза до женитьбы, а после - прижмуривай. Эта максима настраивает на индивидуализированный выбор жены, обращение основного внимания на ее житейские качества. Принципиальные возможности релаксации широки, но практические соображения (не тратить лишней энергии!) ограничивали избирательность между женой и проституткой. Очевидно, неслучайно периоду расцвета классического капитализма сопутствует наиболее высокий «всплеск» проституции.

Попутно, не вдаваясь в детали, позволю себе пояснить следующий факт. Если любовная соперничательность - карнавальность - во всех случаях окрашена этнокультурной специфичностью, проще говоря - вершинное достижение всегда уникально, то разврат - космополитичен. В самом деле, отношения, установленные с русской проституткой на площади трех вокзалов в Москве, по существу не отличаются от контактов ее «товарок» с Плас Пигаль в Париже. И в Гонконг немецкий бургер едет вовсе не в ожидании праздника, а лишь в надежде сохранить аноним-

ность. Поставим здесь точку и вернемся к основной теме.

Радикальные сдвиги XX века (урбанизация, мобильность населения, секуляризация, женская эмансипация) содействовали изменению некоторых принципов и ценностей американской любовной культуры, сохранив, однако, фундаментальный прагматический остов. В пояснение сказанного достаточно обратиться еще раз к Э.Фромму. «Для мужчин - привлекательная женщина, для женщин - привлекательный мужчина - это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личностном рынке». И далее: «Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда.. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют рынком» (6). В контексте этих соображений становится понятной интенсификация «сексуальной индустрии», которая призвана формировать и поддерживать определенные стереотипы мужской и женской привлекательности.

Благодаря коммерциализации досуга открылись многочисленные места для встреч и эмоциональных контактов молодежи. Мотивы такого рода общения (или свиданий - «dating» - как говорят американцы), несмотря на их шаблонность, тонко отражают сочетание традиционного и инновационного. Остановлюсь для иллюстрации на результатах опроса, проведенного в конце 50-х годов американским социологом В.Кефартом среди студентов колледжей (% от общего числа респондентов): поиск любви - 25,9%; расширение сферы свободы - 23%; выбор брачного партнера - 14,9%; удовлетворение потребности общения - 11,9%; необходимость эмоциональной разрядки - 11,1%; желание научиться приспособливаться к другому - 11% и престижность - 2,2% (7).

Бросается в глаза полифункциональность ухаживания. При этом особо отмечу относительно высокий удельный вес мотива «любовь» на фоне скромных границ матримониального поиска, вторых, превращение секса в способ самоутверждения. И это еще

не все. На «свиданиях» возникла специфическая форма эротизма, получившая на молодежном сленге обозначение «петтинг» (petting) - ласки. По данным американского социолога А.Кинзи, 40% женщин имели опыт «ласк» к 15 годам, до 65% - к 18 и почти 100% к моменту заключения брака (8).

Петтинг - это особый вид сексуального раздражения, способствующий психоэмоциональной разрядке, но без генитальной близости. Суть этого экспрессивного эрзаца картинно обрисовал немецкий социолог Г.Шельский. По его словам, курильщик табака, с одной стороны, ощущает острую потребность в снятии нервно-эмоционального напряжения, а с другой - озабочен своим здоровьем. Выход был найден в сигарете с фильтром, которая будто бы гарантирует наслаждение без риска. Аналогичная находка в области сексуальности - петтинг (9). Говоря без обиняков, эта форма эротики - компромисс между поиском сексуального наслаждения с внешним исключением риска и соблюдением традиционных моральных требований общества.

Сжато обобщая, скажу: прагматическая любовная культура - телесно-маскулинная с мерцающим (простите) эротическим фоном. В этой связи вспоминаются популярные у нас сегодня романы Д.Чейза. Всегда, когда женщина имеет последовательно несколько партнеров, которым с точки зрения мужчин предъявляются повышенные требования, она «припечатывается» как нимфоманка. Иное дело мужчина. Он может иметь любой ряд «курочек», но ему не вменяется сатириазис.

Славянская любовная культура также отмечена этническим своеобразием. Если в прагматической акцентируются рациональные соображения, то в славянской - интимные, т.е. душевные. Это общение, в сущности, не несет на себе печати прагматизма и в принципе публично неосуществимо. Оно требует неперемного отъединения от других и глубинного сопереживания. Высказанное соображение проиллюстрирую строчками из популярного стихотворения:

*Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят, одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат - слышит только соловей...*

*Да и тот не слышит - песнь его громка;
Разве слышит только сердце и рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли...*

(А.Фет)

Не без определенного основания может сложиться впечатление, что русская классическая литература декларирует в сексуальных отношениях тотальное целомудрие, вплоть до аскетизма и антиромантизма. «Пока... человечество живет, - говорит герой Льва Толстого, - перед ним стоит идеал, и, разумеется, идеал не кроликов и свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан (выделено мною - СТ.), чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствием половой страсти, а идеал, достигаемый воздержанием и чистотой» (10). Этическое учение Толстого, по острому замечанию русского философа С.Франка, сводится в своей основе к простому и как будто бы безупречному принципу: не делай никогда, ни для какой цели и ни по какому побуждению поступка: который мораль признает недопустимым. Для художника зло лежит во внешних актах: в насилии, в вине, праздности, сексуальной жизни и т.п. Нравственному суду Толстого нет дела до души человека, до его интимных слоев: насильник по натуре и лицо, вынужденное внешними обстоятельствами прибегнуть к насилию, развратник и лицо, имевшее несчастье преступить седьмую заповедь, пьяница и лицо, не отказывающееся от потребления вина, но сохраняющее при этом полную интеллектуальную ясность - все эти контрасты почти не интересуют мыслителя и, в лучшем случае, обозначают для него лишь количественные, но не качественные различия (11).

И все же такая позиция - крайность; чаще целомудрие - то есть высшая нравственная чистота не отождествляются с девственностью. В рамках интимной культуры вступление в сексуальную связь (в том числе лишение девственности) не ассоциируются с моральным падением. Просто физические отношения в любой форме (поцелуи, объятия, ласки, половой акт) не предназначены для посторонних глаз. Думается, именно эта мысль приводится поэтом:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочной грозди венки свивать,
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!
Хочу я зная атлосной груди,
Мы два желанья в одно сольем...*

Но в то же время -

*Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем.*

(К.Бальмонт)

Как бы поддерживая поэта и дополняя его, философ утверждает: «Вопрос о любви между мужчиной и женщиной есть вопрос личности и не касается общества. Если французу сказать о свободе любви, то он представляет себе прежде всего половые отношения. Русские же, менее чувственные по природе, представляют себе совсем иное - ценность чувства, не зависящего от социального закона, свободу и правдивость» (12).

Собственно, нравственным оправданием сексуальности в славянской культуре, как видим, служит духовная просветленность (агапейность), сопереживательность и сердечность партнеров, к себе в душу третьих не допускающих. И сегодня интимность, есть основания полагать, занимает важную нишу в славянской культуре. К примеру, один из персонажей рассказа В.Распутина, наблюдая в течение суток контрастность эмоциональных манифестаций супружеской пары, замечает: «На счастье и на несчастье одинаково надо иметь двери, а не выставлять их напоказ каждому встречному» (13).

Стремление русских мыслителей оттенить ценности собственной культуры культурой галльской представляется вовсе не случайным. Романтизм, как уже отмечалось, окрашен в эротико-телесные тона, тогда как интимность - в агапейно-эротические. Последние хотя и претят православной аскезе, но все же не являют собой откровенного эмоционального пиршества - утонченного удовольствия половой страсти. Всякому должно быть ясно: я выделил лишь некоторые (правда, наиболее репрезента-

тивные) европейские любовные культуры, опираясь на этническое своеобразие народов и нравственные принципы основных христианских конфессий (католицизм, протестантство, православие).

Каковы же выводы? Скажем, у русских и украинцев любовные ценности тождественны, у русских и поляков - достаточно близки, у русских и французов - противоположны и т.д. По видимому, этим в конечном счете и объясняется неприятие Толстым и Бердяевым ортодоксального романтизма.

Вместе с тем наивно было бы полагать, что в XX столетии возможно сохранить обычаи, нравы и ценности национальных культур в неизменности, целомудрии. Средства массовой коммуникации сделали это неосуществимым. Фактически происходит взаимное влияние культур. Не является в этом смысле исключением и любовная культура. Не секрет, в глаза бросаются в первую очередь снижающие элементы. И здесь важно, избегая панических восклицаний, попытаться уяснить смысл происходящего. Вот лишь одна легко эмпирически прослеживаемая тенденция.

Около двух десятилетий тому назад, читая в Кишиневе публичные лекции о любви, я столкнулся с любопытным фактом. Во многих аудиториях девушки лет 13-15 задавали однотипный вопрос: «Можно ли целоваться с мальчиком при первой же встрече?»

Первоначально вопрос и удивлял, и настораживал. Удивлял: почему при первой, а не при второй или, скажем, при третьей? Ведь важны вовсе не количественные показатели, в славянской традиционной культуре поцелуй всегда рассматривался как необходимый экспрессивный знак ухаживания, служащий одной из ступеней к полной физической близости. Настораживал потому, что обычно вопрос лектору задается не из абстрактного интереса (тем более с таким упорством), а для проверки соответствия собственного поведения общепринятому стандарту.

Подразумевается: выступающий с трибуны - эксперт, знающий норму, регламентирующую сексуальные отношения между мужчиной и женщиной. В конце концов в одной из аудиторий восемнадцатилетняя девушка поставила вопрос в несколько иной плоскости: Как вы думаете - поцелуи, ласки, объятия - все это

элементы любовного ухаживания или игра, развлечение?» Вот так все и стало на свои места. В Молдавию (и не только в нее) уже к началу 70-х годов проник «американский» петтинг. Можно безошибочно утверждать, что некоторые девушки «не томятся по любви», тем более не находятся в ее поиске, отдавая предпочтение псевдоэротической игре, столь же доступной, сколь и примитивной.

В связи с последним утверждением нельзя пройти и мимо следующего феномена. В современной отечественной сексопатологической литературе «ласкам» стали приписывать несвойственное им значение. Так, в одном из научных трактатов читаем: «Петтинг - это не только набор технических воздействий на эрогенные зоны, это психологическое переживание обоих партнеров, соответствующее таким же переживаниям во время полового акта». И дальше - больше: «Петтинг ничем не отличается от обычной половой жизни, этическое значение его такое же, как и полового акта» (14).

С такой трактовкой нельзя согласиться. Сексуальные отношения здесь сводятся к простой механике. Тут уж не до карнавала. Есть и другой, не менее важный аспект. Возведение петтинга в самоценную деятельность - это вольное или невольное поощрение откровенного стремления во что бы то ни стало избежать личной ответственности, а безликость, в свою очередь, не может быть признана моральной. Вместе с тем не скрою: если петтинг сам по себе обедняет эмоциональный мир человека, то «включение»- его в ткань любовного сопереживания, без сомнения, расширяет границы сексуальной приемлемости.

В последнее время появились новые свидетельства экспансии в нашу культуру исторически чуждых поведенческих стереотипов. В начале 60-х годов американский публицист Б.Морзе в книге -(Сексуальная революция» обрисовал роль бульварной прессы в пропаганде примитивных образцов сексуальности. По его словам, определенного рода газеты Лос-Анжелеса публикуют на своих страницах объявления с предложениями брачных пар о временном обмене партнерами в присутствии друг друга (15). Морзе (надо ли напоминать) - представитель прагматической культуры - был шокирован. Спустя три десятилетия в московской газете «Частная жизнь» публикуются не только предложения

супругов об обмене партнерами, но и приглашения к куннилин-гусу.

Я далек от ханжества, по-видимому, кто-то без орально-генитальных контактов не представляет себе полноценной сексуальности - это частное дело пары. Однако непростительно было бы умолчать о другой стороне. Выставление приватной жизни на всеобщее обозрение - нечто большее, чем простой эпатаж. Это попытка с помощью оргийности убедить себя и других в раскованности и свободе волеизъявления. Воспользуюсь грубой метафорой: как кислотные дожди разъедают почву, так и оргийность разъедает сердцевину культуры - нравственность. Больше того, скажу кое-что, с чем согласится не всякий: падение ценности любви, рост доступности женщин содействует поиску ее заменителей; полагаю, с этим связана не только интенсификация, но и подчас открытое бравирование гомосексуальными контактами (в свою очередь, ответная реакция женщин - лесбиянство). Подчеркну еще раз: не стоит тешить себя мифами, свобода в обсуждаемой области сопряжена не с утонченными оргиями, а с праздником - высшим достижением человеческого просветления.

По всей видимости, названные и подобные негативные явления послужили основанием для обеспокоенности некоторых литераторов (например, Василия Белова) разложением ценностей славянской культуры под влиянием экспорта с Запада сексуальной революции и рок-музыки. Но хороша культура, не способная противостоять чуждым ей образцам и традициям! Не скрою своего мнения: сексуальная революция, как бы эмоционально она не воспринималась некоторой частью населения, - движение, без сомнения, общегуманное, хотя и не лишенное отрицательных сторон. Мало того, ответственно заявляю: примитивизация сексуальных отношений результат не революции, а ее незрелости.

Проиллюстрирую это таким примером. В конце 80-х годов мне довелось присутствовать на обсуждении эротического фильма, показанного в разновозрастной аудитории Ленинградского Дома кино. Демонстрировалась французская лента «По поводу Эммануэль»: несколько специалистов рассуждают о месте и значении «Эммануэль» в галльской культуре, при этом разговор перемежается эпизодами из фильма. Эротика, отвечающая ро-

мантического канону - экспрессивная и манифестируемая - ненавязчиво дополнялась собственно сексуальными темами.

На обсуждении в Доме кино пожилой актер, врач, педагог были настроены агрессивно, говорили о вреде порнографии на экране, о растленной буржуазной культуре. (Удивительно, что никому из критиков не пришла в голову простая мысль: на телевизионном аппарате есть ряд кнопок, стоит только нажать одну из них, и вся пошлость моментально исчезнет. Тем самым, скорее всего, неосознанно игнорируется основа личности - выбор). Направленность суждений нетрудно объяснить, но не оправдать. Все эти люди находятся под прессом аскетической нравственности толстовского толка. Они, думается, не могут отрешиться от иллюзорного восприятия любви как исключительно духовного просветленного состояния.

С большой неохотой когорта «стариков» делает микроскопические уступки Эросу. Невосприимчивость к нормотворчеству и призыв в конце XX века вернуться к ценностям ортодоксального православия, мягко говоря - лицемерие.

Равным образом удивила другая часть публики - студенты художественных вузов города, которые протестовали против мироощущения старших поколений - топотом ног. Молодежь оказалась просто-напросто неподготовленной к рациональному обсуждению проблемы. Хуже того, молодые люди нередко воспринимают сексуальные сцены, демонстрируемые в отечественных фильмах, как эротические. Хотя, убежден, каждому человеку с незатемненным сознанием понятно, что секс в откровенной форме чужд искусству, однако не культуре в целом. В странах, где сексуальная революция выполнила свое предназначение, половым просвещением (составной частью которого является разъяснение и партнерских позиций, и техники безопасного секса) занимаются специально, в том числе научно-популярный, телевизионно-просветительский - но не художественный кинематограф.

Всмотримся повнимательнее в нарисованную картину: казалось бы, славянская интимная культура должна быть ближе к романтизму, нежели к прагматизму. Однако действительность указывает на противоположное, и это не может не поражать. Почему же прагматические стереотипы не встречаются в славян-

ском этносе достаточно эффективных фильтров? Ответ, полагаю, на так прост, вот некоторые гипотетические соображения по этому поводу.

На исходе текущего столетия, по-видимому, никого не нужно убеждать в том, что сексуальное поведение человека во все времена и у всех народов ограничивалось, с одной стороны, его биологической природой, с другой - культурой. Менее известно иное: социальная регуляция не всегда сводится к запретам. В определенные исторические отрезки в дни всевозможных праздников (литургических, мистических, экстатических) поощрялась широкая свобода поведения. Так, у австралийских племен арунта, по свидетельству английских путешественников XIX века Спенсера и Гиллена, в известных случаях предписывалось снятие повседневных запретов, ограничивающих сексуальные связи. В дни литургических праздников «корробори» все женщины считались достоянием всех мужчин (исключение - ближайшие родственницы). Это правило не смела нарушить ни одна женщина, ни один мужчина (16). Описанный случай не является чем-то исключительным. К примеру, в Древнем Риме времен Империи среди аристократии широко бытовал культ Вакха (17). На Руси вплоть до XII века широко отмечался языческий праздник Ивана Купалы.

Христианство оказалось бессильным преодолеть экстатический культ. Даже больше того, некоторые его институты (скажем, монастыри) сами отдали дань вакханалиям (сошлюсь хотя бы на «Кандида»). Уже в силу этого не приходится удивляться, что всем современным любовным культурам не чужды элементы оргийности. Но если романтизм приемлет низменное, порочное, жестокое как нечто органическое (де Сад здесь не случаен), то американский прагматизм и славянская интимность пронизаны непоколебимым ханжеством. Думаю, будет достаточно одной иллюстрации. В 1931 году известный американский писатель Генри Миллер, временно проживая в Париже, написал роман «Тропик Рака», который был тотчас же запрещен на родине за безнравственность. Это табу было снято Верховным судом США лишь три десятилетия спустя. Понадобился еще такой же срок, чтобы роман был опубликован у нас (18).

Имеется и еще одно сближающее две названные любовные

культуры обстоятельство - тысячелетнее господство патриархальных принципов и традиций, закрепивших приниженное, кабальное (мягче, пожалуй, и не скажешь) положение женщины. «Всякому мужу глава - Христос, жене глава - муж» (19).

Романская женщина, не утаю правды, совершила невероятное: живя в патриархальном мире, она сохранила внутреннюю суверенность и эмоциональную неординарность. В ней как бы неантагонистически переплелись и дьявольское, и ангельское начала. Говоря в согласии с М.Бахтиным, галльская женщина, задирая юбки, показывает место, куда все уходит (преисподняя, могила) и откуда все происходит (рождающее лоно). Возможно ли ожидать подобного от славянки? Сомневаюсь. Она если и рискнет задрать юбки, то непременно продемонстрирует откровенную вульгарность - покажет зад.

И тем не менее, надо быть незрячим, чтобы не заметить очевидного: конечно, оргийность затронула славянскую любовную культуру, но преимущественно ее периферию. Ядро же, по меньшей мере до настоящего момента, не подверглось существенной коррозии. Убеждают в этом имеющиеся у меня данные выборочных опросов населения 1965, 1972, 1974, 1978, 1989 и 1991 годов. Из них, в частности, следует, что в молодежной среде число «стереотипных» (в принципе неизбирательных) и «развратных» сексуальных связей постоянно растет. Если несколько десятилетий тому назад, как говорилось выше, девочки 13-15 лет задавали вопрос о возможности поцелуя при первой встрече с мальчиком, то ныне некоторые из них, не задумываясь, «подставляют» всем желающим срамные губы.

Опрос, проведенный среди ленинградской молодежи в 1991 году (1 400 чел.), выявил показатели «продажного» секса на среднеевропейском уровне. Конкретнее: 3,6% респондентов указали, что они контактировали с проституткой, а 4,4% - неоднократно. Около 3% учащихся ПТУ, 4% учащихся техникумов и 9% школьников и студентов были не прочь «иметь сексуальный контакт за плату». Наряду и как бы в пику тенденции нарастания отчужденных связей фиксируется устойчивость избирательности и интимности в сексуальных отношениях. Последняя связана с тем, что любовь, которая исторически сложилась как элитарное чувство, в XX столетии повсеместно расширяет свои границы -

правда, в ущерб экспрессивной сопереживательности. Но поскольку «интимность», повторяю, сохранила свою основополагающую роль в славянской культуре и до тех пор, пока эта ценность будет оставаться определяющей сексуальные отношения значимого круга мужчин и женщин, в стабильности культуры в целом и в спорадическом прорыве карнавальности сомневаться не приходится.

***

1. **Фромм Э.** Искусство любви. М., 1990. С.14.
2. **Монтень М.** Опыты. М.; Л., 1960. Кн. 3. С. 86-90.
3. **Голод СИ.** Классики марксизма-ленинизма о перспективах брачно-сексуальных отношений // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972; **Luhmann N.** Love as passion. Cambridge, 1986.
4. **Фридман Р.А.** Любовная лирика трубадуров и ее истолкование // Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. 1965. Т. 34. С. 328.
5. **Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С.99-100.
6. **Фромм Э.** Указ. соч. С. 14-15.
7. **Kephart W.** The family, society and the individual. Boston, 1961. P. 246-254.
8. **Kinsey A.** Sexual behavior in the human female. Ph. and L., 1953. P. 332.
9. **Schelsky H.** Soziologie der Sexualitat. Munchen, 1964. P. 121-122
10. **Толстой Л.Н.** Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 291.
11. **Франк С.** К вопросу о сущности морали // Бемэ М. Дневник падшей. СПб., 1906. I, XXV.
12. **Бердяев Н.А.** Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971, С. 112.
13. **Распутин В.** Вверх и вниз по течению // Роман-газета. 1984. N 17. С. 40.
14. **Либих С.С., Фридкин В.И.** Сексуальные дисгармонии. Ташкент, 1990. С. 58, 80.
15. **Morse V.** The sexual revolution. Derby, 1962. P. 6-7.
16. **Тахтарев К.М.** Очерки по истории первобытной культу-

ры. Л., 1924.

17. **Бодянский П.Н.** Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима. Киев, 1882.

18. **Миллер Г.** Тропик Рака // Иностранная литература. 1990. N 7-8.

19. Новый завет. СПб., 1914. С. 321.